

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СУДЬБА РОССИИ

Статьей А. Севастьянова редакция завершает дискуссию, начатую С. Кургиняном и В. Алкснисом в сентябрьском номере и продолженную «круглым столом» «Миграция или замещение» в октябрьском выпуске журнала.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

Все, что вы хотели знать о русском национализме

ПРОФЕССИЯ — РЕЖИССЕР

Предложив в видах полемики статью С. Е. Кургиняна “Второй фронт”, редакция “Нашего современника” поставила меня в крайне сложное положение.

Сверхзадача Кургиняна – раздраконить неудержимо поднимающийся русский национализм. О его мотивах тут не сужу, но направление удара вполне очевидно. И кому же, как не мне, отвечать на этот удар! Это с одной стороны.

С другой стороны, мне давно не приходилось читать столь неаргументированного текста, переполненного эмоциями, безапелляционными утверждениями, самопальными терминами и понятиями, намеками, недомолвками, пышными метафорами и эскападами в пустоту.

Кургинян – театральный режиссер по профессии. Это чувствуется: ему надо, чтобы был лихо закрученный сюжет, остро завлекательная интрига, яркие роли, характерные персонажи-типажи, завязки и развязки, нравоучительная сверхзадача. Ну и, само собой, надо со сцены понатуральнее “рвать страсть в клочки”, чтобы зритель ахал и переживал, кусая пальцы. И совершенно неважно при этом, что реальный, описанный в скандинавских хрониках датчанин Амлет никогда не говорил и не делал того, что приписал ему Шекспир, – какое зрителю дело до таких мелочей! Но в истории и политологии, вообще в любой науке так нельзя.

Поэтому я решил построить статью не как диалог с Сергеем Ервандовичем, который вряд ли захочет меня услышать, а как объяснение с читателем, которому необходимо дать некую твердую почву после подобного мозготрясения. И начать следует, прежде всего, с фундаментальных, но непростых понятий, в которых С. Е. не дал себе труда разобраться, а без них далеко не уедешь. Попробуем прояснить, что такое нация, что такое русский национализм, что такое Россия, что такое империя и так далее...

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ

Понятие нации в современном околонучном и политическом обиходе весьма запутано. Более того, вызрела целая генерация авторов, пытающихся, подобно модному в России Эрику Хобсбауму, убедить нас в том, что при нащупывании этого понятия “и субъективные, и объективные определения не совер-

шенны и ставят нас в тупик”¹. Автор уверяет: “Проблема в том и заключается, что мы не способны растолковать наблюдателю, как *a priori* отличить нацию от других человеческих сообществ и групп – подобно тому, как можем мы ему объяснить различие между мышью и ящерицей”². В итоге, убоясь бездны премудрости, Хобсбаум гордо заявляет, выдавая свою слабость за силу: “Самой разумной переходной установкой для исследователя является в данной области агностицизм, а потому мы не принимаем в нашей книге никакого априорного определения нации”³. Многочисленные российские и западные адепты этого гуру (конструктивисты всех сортов) охотно множат подобные заявления, о чем подробнее говорилось в моей статье “Шорных дел мастера”⁴.

Причина такого бессилия понятна: отказ исследовать сам предмет от его истоков (вместо того нам предлагают различные точки зрения на предмет). Это порок, которому подвержена вся западная идеалистическая общественная наука, давно превратившаяся из науки знаний и фактов в науку мнений. Отказ Хобсбаума от поиска объективного критерия нации во многом связан с тем, что в качестве наиболее известного (читай: авторитетного) он рассматривает определение нации, данное... Сталиным⁵, которое уже давно пересмотрено обществоведами.

Отчасти для любого западного исследователя дело привычно осложняется языковым убожеством: единым словом *natio* обозначается и собственно нация, и народ, и национальность, и даже, отчасти метафорически, государство, как это видно на примере ООН. Но при этом тот же язык дает и ключ для выхода из тупика, ибо корень латинского слова *natio* – а именно *lat* – означает не что иное, как “род”. То есть точно так же, как русское слово “народ”, латинское слово *natio* (оригинал, многочисленные копии с которого вошли едва ли не во все языки мира) четко и ясно обнаруживает этимологическую связь, указывающую на кровную, племенную сущность этого понятия. И в античные времена этим словом обозначалось именно племя⁶.

Российскому ученому не столь трудно определиться по поводу нации и ее отграничения от других сообществ, поскольку в России есть достаточно крепкая, сложившаяся научная традиция, подвергать которую пересмотру я не вижу оснований⁷. Как резюмировал, с соответствующими ссылками, в своей докторской диссертации историк А. И. Вдовин (МГУ): “В отечественной общественно-научной традиции советского периода под нацией чаще всего понимали **определенную ступень в развитии народа (этноса)**, историческую общность, результат развития капиталистических отношений, приводящих к экономическому, территориальному, культурному, языковому и социально-психологическому единству определенной совокупности людей, стремящихся обеспечить интересы своего дальнейшего независимого развития **непрерывно с помощью обособленного национального государства**”⁸ (выделено мной. – А. С.). Оставив в стороне историю вопроса, подчеркну, что для современного нам круга российских ученых, за вычетом окопавшихся местами конструктивистов, это понимание в своих главных, опорных тезисах – **1)** нация есть фаза развития этноса, в которой он **2)** создает свою государственность, обретает суверенитет – вполне утвердилось.

Указанные тезисы нашли весомую поддержку даже в среде ученых, далеких от этнологии и социологии. Я имею в виду свежую монографию петербургских правоведов-цивилистов П. А. Оля и Р. А. Ромашова, которая так и называется “Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности)” (СПб, изд-во Юридического ин-та, 2002). Авторы зашли к проблеме нации с юридической стороны, перед тем проработав, однако, внушительный массив этнологической, социологической и социально-психологической литературы. Для нас их позиция весьма важна, ибо юридические формулы, логические, краткие и ясные, способны аккумулировать в себе в концентрированном и очищенном виде многие тома досужих дискуссий.

Оль и Ромашов пришли к выводу, что нация есть не только “сложная этносоциальная общность”, но и “специфический коллективный субъект права”, который “может выступать только как общественное образование с формально-юридически закрепленным статусом. При этом неотъемлемым ее свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта межнациональных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основанием правосубъектности национального образования”⁹. Очень ясно и

понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности – значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета – значит, нет у общности и статуса нации.

Логично, четко и понятно и дальнейшее рассуждение. В чем и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: “Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос”¹⁰. Таким образом, тождество суверенитета и государственности, а также государствообразующего этноса и нации представляется юридически безупречным.

Что можно добавить к сказанному? Чтобы отточить, отшлифовать дефиницию, нужно провести размежевание с пересекающимися по смыслу понятиями.

Например, возьмем пару “нация – народ”. Синонимы? “Да”, – скажет большинство западных исследователей, да и просто западный обыватель, не вникающий в тонкости семантики. “Нет”, – скажу я. Ибо всякая нация есть народ, но далеко не всякий народ есть нация. Национальностью он становится только в результате обретения суверенности и государственности.

Возьмем также иную пару: “нация – национальность”. Ясно, что в первом случае речь идет об общности людей, а во втором о качестве людей. Можно иметь ту или иную национальность, но при этом не принадлежать ни к какой нации, а лишь к народу, народности, племени и т. д. Национальность есть синоним этничности и никак не соотносится со статусом, т. е. фазой развития этноса. (По аналогии: можно обладать интеллигентностью, но при этом не принадлежать к классу интеллигенции, а быть рабочим, крестьянином и т. д.) Причина путаницы тут в том, что “расово-антропологический подход в понимании нации глубоко заложен в общественном сознании людей, на бытовом уровне, где, как правило, отождествляются понятия “нация” и “национальность”¹¹.

Пару “нация – государство” я здесь детально не рассматриваю, так как считаю ее искусственно созданной, надуманной, ведь нация есть природное образование, соотносящееся с государством как содержание с формой. Они неразрывно связаны, но не тождественны друг другу¹².

Казалось бы, все довольно просто, ясно, убедительно и понятно. Откуда же взялась та немислимая неразбериха и путаница (помимо чисто лингвистической), из-за которой нацию отождествляют то с любым народом, то с государством, то с гражданским сообществом (населением, подданными) и т. п.¹³? Необходимо досконально разобраться в этом, чтобы не делать подобных ошибок.

Это путаницей мы обязаны Французской революции 1789 года. Франция являет нам печальнейший пример того, как нация, не успев толком сложиться, завершить свой этногенез, уже сама себя хоронит, попав в роковую зависимость от исторических обстоятельств и вынужденного ими образа мысли. Ибо эта страна никогда не была этнически единой, но возомнила себя таковой в результате обретения каждым ее подданным равных гражданских прав в ходе революции. Как это произошло? До нелепого просто. 19 ноября 1789 года у города Валанс собрались 1200 национальных гвардейцев из Лангедока, Дофине и Прованса, чтобы принести присягу на верность Нации, Закону и Королю. И объявили, что отныне они уже не провансальцы или лангедокцы, а французы. Это был почин. Через год такое же признание сделали гвардейцы Эльзаса, Лотарингии и Франш-Конте. Дальше – больше. И вот уже перед нами, по словам историка Э. Лависса, “нация, которая создала себя сама по собственной воле”. То есть конгломерат этносов, формально объединенный равноправием индивидов, присвоил себе статус нации. Авансом – так сказать, на вырост. Социальное единство всех “во Конституции 1791 года” породило иллюзию национального единства. Все этносы, населявшие Францию, наконец-то почувствовали себя равноправными свободными гражданами, как ни один другой народ в мире, – и воодушевились!

Понятно, что при таком повороте дверь во “французскую нацию” оказалась раз и навсегда открыта для всех желающих (начиная с цветных жителей собственных колоний), ибо сущность конгломерата никак не изменится, если вместо 10 компонентов в нем станет их 100 или 1000. Конгломерат – он и есть конгломерат. Идеино оформив его как единую нацию, заложив это понимание в самый фундамент новой государственности, французы оказались в заложниках собственных фальшивых идей. И теперь эта идеология, самым ходом истории доведенная до абсурда, заставляет их, белых европеоидов кроманьонского извода, называть и считать французами натурализовавшихся во

Франции бесчисленных негров, арабов, китайцев, вьетнамцев и еще Бог знает кого. Что с точки зрения любого независимого и непредвзятого наблюдателя есть злокачественный бред и полная чепуха, с точки зрения политики – опаснейший просчет, а с точки зрения науки – ересь¹⁴.

Парадокс в том, что сама история однажды развенчала весь абсурд французской концепции нации. А именно в годы Второй мировой войны, когда Франция была оккупирована и ее суверенитет не существовал (а следовательно, не могла идти речь ни о гражданстве, ни о согражданстве – то есть “французской нации”), французский народ именно как этнос, не имеющий суверенной государственности, был, однако, представлен в международном сообществе национально-освободительным движением “Свободная Франция”, а генерал де Голль был признан руководителем “всех свободных французов, где бы они ни находились”. То есть правосубъектностью обладали и были носителями суверенитета вовсе не “граждане Франции”, коих де-юре не существовало, а именно французы как таковые, как народ! Оль и Ромашов справедливо и остроумно резюмируют по данному поводу: “Таким образом, пример Франции, традиционно считающейся родиной этатистской политико-правовой модели нации, продемонстрировал, что модель эта не может рассматриваться как универсальная и работающая при любой политической ситуации”¹⁵.

Еще раз подчеркну, что этот абсурд и эта ересь были следствием французской философско-правовой традиции, выросшей на специфической почве мультиэтничной общности, затиснутой в границы единого государства. Так, теоретик права Монтескье, рассуждая о том, что составляет “общий дух нации”, перечисляет климат, религию, законы, принципы правления, традиции прошлого, нравы и обычаи, но ни слова не говорит о крови, общих корнях, общем происхождении. Вольтер понимал под нацией совокупность сословий, Дидро и Руссо – совокупность граждан посредством общественного договора (эта позиция в итоге возобладала). Собственно национальный, этнический фактор у этих столпов французской общественной мысли начисто пропал, исчез, они исключили “кровь” из понятия нации. Иначе и не могло быть в стране, где население разных регионов говорило каждое на одном из четырех разных языков¹⁶, принадлежало к разным этническим группам, да к тому же имело на большей части своей территории феодалов, принадлежащих к одному этносу (франков, т. е. германцев), и крепостных, принадлежащих к другому (галлов, то есть кельтов). Вся эта пестрая смесь была предназначена к переплавке в нечто единое посредством полного *galit*, но едва успела это сделать, как была разбавлена таким количеством и качеством инородцев, переварить которое не сможет уже никогда и обречена погибнуть от этого несварения. Лев Гумилев правильно писал, что “иногда возможна инкорпорация иноплеменников, но, применяемая в больших размерах, она разлагает этнос”.

Французская концепция нации, несмотря на то, что определенные силы в мире настойчиво навязывают ее разным странам, в том числе России, не прижилась по-настоящему нигде, кроме Америки¹⁷. Это неудивительно – ведь Америка вначале стихийно, затем осознанно, а с 1965 года целенаправленно выстраивалась именно как этнический конгломерат. Но и там сегодня крах идеологии и политики расово-этнического всесмешения – “плавильного котла” (*melting pot*) – уже для всех очевиден, и вместо того в моду входит мультикультуральная концепция Америки как “миски с салатом” (*salad bowl*), в которой сосуществуют многие ингредиенты, не смешиваясь при этом. Симптомы грядущего развала страны настолько уже очевидны, что историк Артур Шлессинджер в 1991 году опубликовал книгу с характерным названием “*The Disuniting of America*” (“Разъединение Америки”). В третьем издании 1998 года тревожные прогнозы этого бестселлера еще усилены.

Следует также особо отметить, что противоестественная этнополитическая практика Америки адекватно отражена в ее совершенно невразумительной этнополитической теории. Американские этнологи, придушенные политкорректностью, не в силах предложить ученому сообществу ничего, кроме такой же “миски с салатом” в области идей, и безуспешно плутают в трех соснах. Об этом убедительно повествует статья А. Ю. Майничевой “Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов” (с ней можно ознакомиться в интернете). В ней мы сталкиваемся с такими перлами американских коллег, как: “фундаментом американской этничности является включение “неамериканского американства” (Сэмюэль Беркович); “нет более последователь-

ного янки, чем “янкизированная” личность иностранного происхождения” (Маркус Ли Хансен) и т. д. Майничева резюмирует: “Отсутствие единого мнения буквально по всем вопросам отражает сложность и противоречивость рассматриваемых явлений и процессов, связанных с этничностью”. На мой взгляд, в этом факте отражено совсем иное: попытка поймать отсутствующую черную кошку политкорректности в темной комнате реальных этнорасовых отношений.

К вящему моему удовольствию, в большинстве стран нации создавались не в ходе скоротечного политического момента, как во Франции, и не в результате хаотичного заселения эмигрантами всех мастей, как в Америке¹⁸, а естественным путем длительного развития того или иного этноса. К таким странам относятся, к примеру, Китай, Германия, Россия и многие другие.

Именно в Германии вырелась наиболее органичная для таких стран и вообще сообразная уму концепция нации, так и прозванная учеными “немецкой”. Ее отцами принято считать И. Г. Гердера и особенно философов-“романтиков”, последовательно выступивших против идей Французской революции.

Таким образом, обе концепции восходят к XVIII веку. Но если Франция того времени, единая в своих созданных Бурбонами границах¹⁹, жесточе всего страдала от социальной дисгармонии, от разрыва между классами и условиями и стремилась к социальному единству, то Германия в те же годы страдала именно от национальной разобщенности, от разорванности, раздробленности населенных одним народом территорий некогда единой страны. Различие приоритетов предопределило разницу в подходах: акцент на социально-политическом единстве во французской концепции нации – и акцент на этническом единстве в немецкой концепции. Так, Гердер не случайно поставил во главу угла вопрос о естественных границах государства, а Фихте уже прямо писал, что естественные границы возрожденной Германии – централизованного “национального государства” – “должны определяться границами расселения немецкой нации”²⁰. Этнический приоритет был обозначен прямо и недвусмысленно. (Отмечу, что в немецком языке, как и в русском, различаются слова, обозначающие понятия “народ” и “нация”: *Volk* не тождественно *Natie*, в последнем случае подразумевается племенная однородность. Кстати, если во французских анкетах в графе “нация” мы указываем, по сути, гражданство (к примеру, Россия), то в немецких анкетах присутствуют как *Staatsangehoerigkeit* – гражданство, так и *Nationalitaet* – национальность.)

Венцом немецкой мысли в национальном вопросе стали идеи Г. Ф. Гегеля, который, хотя его традиционно числят в идеалистах, определял нацию как общность людей с единым “национальным характером”, состоящим из “телесного развития, образа жизни, занятий, равно как и особых направлений ума и воли”. Поставить соматику, телесность (то есть кровь в ее наиболее зримом воплощении) на первом месте – это был вызов и прорыв! И далее Гегель сформулировал свой знаменитый тезис о государстве, которое “есть непосредственная действительность *отдельного* и по своим *природным свойствам* определенного народа”²¹. На мой взгляд, именно Гегель поставил в этом вопросе смысловую точку.

Однако неразработанность этнологического словаря сыграла скверную шутку и с Гегелем, заставив говорить о нациях в двух смыслах: о “диких нациях”, то есть варварских народах, не сумевших еще выйти из догосударственной фазы развития, – и об “исторических нациях”, ставших государствами, национальный дух которых играет ту или иную роль в мировой истории. Эту мысль, абсолютно, на мой взгляд, верную по сути, мы сегодня, используя богатый и гибкий русский язык, излагаем точнее, корректнее, подразумевая под “исторической нацией” исключительно нацию как таковую, а под “дикой нацией” любую предшествующую фазу: народ, народность, племя, род.

Здесь необходимо несколько слов сказать о концепции ученого-обществоведа Отто Бауэра (1882–1938), которая, наряду со сталинской, долго господствовала в умах и до сих пор служит источником частых ссылок. Если отбросить традиционные терминологические неувязки, точка зрения Бауэра отчасти близка мне, ибо он также ставил акцент на комплексе “физических и психических признаков, отличающих данную нацию от всех остальных”²². А также полагал, что национальный характер формируется под воздействием естественной наследственности: “Унаследованные свойства нации суть не что иное, как осадок ее прошлого, так сказать, застывшая история ее. Влияние условий жизни предков на характер их потомков основано, во всяком случае, на том, что условия

жизни предков путем естественного отбора решают вопрос о том, какие свойства будут унаследованы и какие постепенно исчезнут²³. Бауэр несколько сумбурно, хаотично и невнятно, но приблизительно верно определял три фактора, в совокупности формирующих нацию: «общая история как действующая причина; общая культура и общее происхождение как средство ее деятельности; общий язык в свою очередь как посредник общей культуры»²⁴. Впоследствии он добавил четвертый фактор: наличие общего врага (угрозы).

Кроме того, Бауэр и его современник и соотечественник-австриец К. Реннер (юрист) впервые научно обосновали нацию как субъект права, не связанный ни с территорией проживания, ни с подданством (то есть с государством). В этом их немеркнущая заслуга, ибо так был нанесен сильнейший удар по французской концепции нации как согражданства. Именно в трудах Бауэра и Реннера немецкая расово-антропологическая концепция нации как этносоциальной общности (с акцентом на общем происхождении по крови), идущая от Гердера и романтиков – через Гегеля – к нашим дням, нашла свое логическое завершение²⁵.

Для нас, понимающих вторичный, производный характер культурного (вообще социального) компонента от биологического, ясно, что ничего третьего в теории нации предложить невозможно. Либо «немецкий» биологический (расово-антропологический) подход – и тогда нация есть высшая фаза развития этноса. Либо подход «французский», этатистский, и тогда нация есть согражданство, безотносительно к этничности, – просто население страны, замкнутое государственной границей, не больше, не меньше. Но тогда французы, проживающие за пределами Франции – скажем, в английском протекторате Канаде или в бывшей французской колонии, а ныне независимой Гвинее, – это, выходит, уже вовсе не французы, а всего лишь франкоязычные (франкофоны). Зато настоящими французами приходится признать негров и арабов – граждан Франции... Сказанного достаточно. Для меня немецкий подход, которого я неукоснительно придерживаюсь, является единственно истинным, а французский – абсурдным.

Кургинян призывает: «Давайте – коль скоро мы хотим нации – сделаем то, что сделали французы». Нет уж, спасибо. Мы пока еще в своем уме.

Ну, а залепухи Кургиняна, что нация-де это не то «субъект модернизации», не то сама «модернизация», – они и есть залепухи, сапоги всмятку...

ЧТО ТАКОЕ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: CREDO

Политическое мировоззрение, которое мне довелось за 1991–2007 гг. сформулировать, защищать и пропагандировать, называется «этнический русский национализм»²⁶. Или просто русский национализм как таковой, или русский национал-патриотизм, что одно и то же. Что это такое?

Для того чтобы уяснить себе ответ на поставленный выше вопрос, нужно понять, чем данное мировоззрение отличается от других течений патриотизма и национализма. Ведь все познается в сравнении.

Поэтому ниже будут представлены несколько наиболее популярных дилемм русского национализма и даны варианты выбора правильного понимания сути дела. Читателю легко будет сравнить свою позицию с моей и сделать вывод о степени своей близости к мировоззрению этнического русского национализма.

Я даю здесь только самые краткие ответы, которые, однако, зачастую добывались годами напряженного умственного труда. Я опускаю историю вопросов, полемику вокруг них, всю развернутую сеть аргументации. Все это читатель найдет в моих книгах. А здесь – только выжимка, экстракт из всей массы знаний по тому или иному предмету.

1. Национализм или патриотизм?

Есть точка зрения, согласно которой патриотизм включает в себя и любовь к своему народу. Это ниоткуда не следует. Нам просто пытаются подменить понятия, чтобы выполнить заказ определенных групп по очернению национализма. Но латинское слово «*patria*», от которого произошло слово «патриотизм», однозначно переводится на русский язык только как «родина». А значит, патриотизм есть любовь к родине, не более и не менее. В содержании этого слова какое-либо отношение к своему народу отсутствует.

Возьмем теперь латинское же слово “*natio*”: оно означает “народ”. Для обозначения любви к своему народу мы, по аналогии с патриотизмом, получаем слово “национализм”. Никакого другого слова, термина, специально обозначающего данное понятие – любовь к своему народу, – в русском языке не существует, оно одно-единственное, хоть и нерусское по происхождению. Сходным образом понимают дело и зарубежные словари и энциклопедии.

Итак, любовь к своему народу и забота о нем – это есть национализм на индивидуальном уровне. На массовом же уровне национализм – это инстинкт национального самосохранения, который спит, когда все идет гладко, но просыпается, когда народу грозит опасность.

Отличие националиста от патриота именно и только в том, что националист уже осознал, глубоко и непоколебимо, что нация – первична, а государство – вторично. Нельзя решать проблемы государства в обход проблем нации. Бессмысленно надеяться, что можно укрепить государственность, не укрепив государствообразующий народ, собственно нацию.

2. Народ: это социокультурный или биологический феномен?

Часто приходится слышать, что народ – это социокультурный феномен, принадлежность к которому определяется общностью языка и культурно-бытовых приоритетов. На самом деле это не так. Причина тут подменяется следствием. Ибо нет ничего в менталитете человека, что не было бы жестко и органично детерминировано его биологическими параметрами. Немцы, французы, англичане и т. д. отличаются друг от друга не потому, что говорят на разных языках и имеют разные эстетические и нравственные предпочтения (хотя это вне всякого сомнения так). Напротив: все дело в том, что они говорят по-разному и имеют разные предпочтения – в строгой зависимости от генетически обусловленного устройства психики и соматики, вплоть до конструкции голосовых связок. Сегодня это – медицинский факт, твердо установленный наукой расологией²⁷.

Древние хорошо знали это. В Библии есть замечательной глубины откровение, мимо которого все проходят, как слепые, не вдумываясь: “Строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом” (Второзаконие, XII, 23).

Кровь – есть душа! Вдумаемся хорошенько в эти мистические слова.

Сказанное справедливо по отношению к отдельному человеку (душа Петрова не живет и не творит в теле Иванова и наоборот). Как говорят индусы, голубь и желал бы, да не может согрешить по-тигриному.

Но это же справедливо и в отношении целых народов, обладающих общими предками, связанных более-менее общей генетикой. Душа одного народа не станет жить и творить в теле другого.

Итак, мой ответ: **народ (этнос) – есть биологическое сообщество, связанное общим происхождением, обладающее общей биогенетикой и соотносящееся с расой как вид с родом либо как разновидность (порода) с видом.**

3. Что значит быть русским?

Есть (и всегда было) немало прекрасных людей, не имеющих в себе ни капли русской крови, но искренне относящих себя к русским и стоящих на защите русских прав и интересов. Такие люди (например, Владимир Даль) вполне заслуживают титула “почётный русский”. Можно, не будучи русским по происхождению, быть, однако, “русским художником” (Левитан) или “русским учёным” (Бодуэн де Куртене) и т. п. Наконец, в быту, особенно в тёплой компании на фоне водки, селёдки и винегрета, никто не воспретит вам, хлопнув соседа неизвестной (или, напротив, известной) национальности по плечу, воскликнуть: “Да ты, брат, из перерусских русский!”

Однако, если мы хотим оставаться на твёрдой почве научных представлений, мы обязаны руководствоваться исключительно формальным критерием: происхождением от русских родителей. Быть русским, с точки зрения науки, это значит, в первую очередь, иметь в себе русскую кровь (по подсчётам учёных-антропологов, все, в ком она течёт сегодня, – родственники между собою в 23-м поколении). Вне этого условия все остальные требования пусты и бессмысленны. Человек, в котором русской крови нет вообще,

с научной точки зрения не может считаться русским, каким бы он ни был воспитан, как бы себя ни вёл и что бы о себе ни думал.

4. Нация: это гражданское сообщество или фаза развития этноса?

Внеэтническая концепция нации как гражданского сообщества лопнула, как мыльный пузырь, сегодня, на наших глазах. Она полностью и безвозвратно себя дискредитировала в ходе европейских погромов, учиненных цветными мигрантами осенью–зимой 2005–2006 гг. Возвращаться к обсуждению этой концепции всерьез не имеет смысла.

Для всех, сохранивших хоть каплю здравого смысла, “французская” концепция нации категорически неприемлема. Ни опрометчивая Европа, ни, тем более, безродная Америка, гибнущие от собственной мультирасовости и мультикультурности, не могут служить для нас позитивным примером – только негативным. Между тем нам уже пытались навязать нечто подобное под видом доктрины “советского народа – новой исторической общности людей”. А сегодня пытаются таким же манером навязать концепцию “россиянства” – российской нации. Не выйдет! Русские, в отличие от нерусских жителей России, – не “россияне”. Нам ни к чему двойная идентичность...

5. Являются ли русские нацией?

Учитывая вышеизложенное, можно дать утвердительный ответ: русские – единственная нация среди 176 народов, народностей и племен, зарегистрированных в России. Ибо русские были и остаются единственным государственнообразующим народом нашего государства. Претензии на эту роль монголов (XIII–XV вв.) и евреев (XX в.) оказались скоротечны и несостоятельны.

Однако мы обязаны указать на парадокс, отравляющий наше историческое существование: Россия на протяжении чрезмерно долгого времени пребывает русской страной с антирусской властью. Выражается это, в частности, в том, что русские, являясь нацией де-факто, не являются ею де-юре, не имея, в отличие от татар, чеченцев, якутов и др. своей государственности. Это противоречие должно быть, наконец, устранено за счет прихода к власти русских националистов и преобразования нынешней межеумочной Эрэфии в Русское национальное государство (РНГ).

6. Какой тип государства идеален для нас: империя или русское национальное государство (РНГ)?

Нация – первична, она есть сущность, в то время как государство есть форма, оно – вторично. Необходимо всегда помнить об этом постулате. Тип государства может и должен определяться только с учетом состояния, в котором находится нация. Форма должна соответствовать содержанию. Вплоть до Великой Отечественной войны русские размножались быстрее, чем окрестные народы. Мы были по рождаемости на втором месте в мире (после китайцев) и на первом – в Европе (за нами шли немцы). Это происходило за счет не только высокой рождаемости (у народов Кавказа и Средней Азии она была не меньше), но и относительно низкой смертности у русского народа по сравнению с инородцами. Именно потому и было возможно имперское строительство, что русским становилось тесно на исконных территориях проживания, и они сами шли на Север – в Поморье и Приуралье, на Восток – в Поволжье и Сибирь, на Юг – на Кавказ и Кубань. И российским монархам (хоть они исповедовали не национальный, а государственно-династический принцип строительства империи) хватало русского человеческого ресурса, чтобы вести завоевания и заселять колонистами покоренные земли.

Сегодня ситуация прямо противоположна той, что была каких-то сто лет назад. Сегодня демографическое давление у русского народа меньше, чем у окрестных народов. И мы уже стали свидетелями, так сказать, “обратной колонизации” России. Мы не только не растем числом: мы даже не воспроизводим себя как нацию. В этих условиях восстановить многонациональную империю – значит окончательно похоронить русский народ, растворив его в инородном элементе.

Только Русское национальное государство, приоритетом которого будет забота о государственнообразующем русском народе, способно продлить наше существование в истории. Надо прямо глядеть в лицо опасности и иметь мужество сделать выбор в пользу жизни, сколь угодно трудной, а не смерти, сколь угодно красивой и приятной. Романтизм хорош в искусстве, в политике он отвратителен и слишком дорого обходится.

7. В каких границах должно существовать РНГ?

Как только заходит речь о Русском национальном государстве, так тут же возникают провокаторы, которые пытаются подменить понятия и предложить под именем такого государства некую “русскую республику”, сложенную по остаточному принципу: современная кургузая, обкорнанная Россия да ещё минус все так называемые национальные республики. Для соблюдения, так сказать, национальной симметричности и справедливости. На деле такая модель ничего общего не имеет с национальным проектом. Согласно теории русского этнического национализма, теория РНГ должна совпадать с картой компактного расселения русского этноса.

ЧТО ТАКОЕ РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Если коротко сформулировать особенности национального государства, они выглядят так.

Основной лозунг, под которым происходит строительство НГ, короток, прост и ясен: **“Всё – для нации, ничего – против нации”**. В деталях идеология РНГ обрисована в моих книгах “Время быть русским” (М., ЭКСМО-Яуза, 2004) и “Россия – для русских!” (М., Книжный мир, 2006). Здесь же я лишь кратко представлю политические проектные контуры РНГ (экономики не касаясь, это совершенно отдельный разговор).

Первое. В доме должен быть один хозяин. В стране – один государство-образующий этнос, самоопределившийся на всей ее территории. *Лояльность к русскому народу – вот главный тест, обязательный для всех жителей России, коренных и пришлых – неважно. При этом полное равноправие для всех коренных народов гарантируется.*

Второе. Приоритет одного (в нашем случае – русского) этноса в государстве влечет за собой приоритет государственных, национальных интересов во всем – в политике, экономике, культуре и морали. Поэтому следующий по значению лозунг – *“Опора на собственные силы”*. Россия – самодостаточная страна, одна из немногих в мире; единственное, чего ей не хватает для процветания, – национально мыслящего правительства. Стремление к полной автаркии ошибочно, но экономическая (в первую очередь продовольственная и технологическая) независимость страны должна быть достигнута.

Третье. Национальное государство не может мириться с разделенным положением государствообразующего народа, особенно когда речь идет о непосредственно примыкающих к нашим границам территориях, компактно заселенных русскими. Русские должны жить в едином государстве, поэтому третий лозунг: *“Одна нация – одно государство”*. Воссоединение должно осуществиться мирным путем в соответствии с международным правом, примеров чему достаточно.

Четвёртое. Въезд и выезд на ПМЖ в национальном государстве строго регламентирован, Родина – это не проходной двор. Не может быть и речи о России как “открытом обществе”, куда каждый, кому охота, ходит, как в собственный чулан. *Бесспорным правом на гражданство может обладать только индивид, доказавший свое происхождение от одного из коренных народов России.*

Пятое. Международные отношения Россия должна выстраивать без предвзятости, исключительно на основе прагматизма по известной формуле “у страны нет постоянных друзей и врагов, но есть постоянные интересы”. Полная изоляция нам не нужна и даже опасна; вся соль в том, чтобы, балансируя на противоречиях основных глобальных игроков (к которым Россия временно не относится), уподобиться мудрой обезьяне, с вершины холма наблюдающей схватку тигров в долине. Нечто в этом роде со стороны Кремля мы видим уже сегодня, но хотелось бы большей адекватности и политического мастерства, этнополитической грамотности.

Шестое. Должны быть воплощены все принципы “Программы-минимум Русского национального движения”²⁸, включая: а) признание факта этнодемографической катастрофы русского народа и законодательное утверждение мер, направленных против депопуляции его как государствообразующей нации, против снижения его удельного веса в составе населения России; б) сохранение и укрепление этнического единства русского народа и всех истори-

ческих и культурно-языковых факторов, способствующих этому; в) запрещение русофобии во всех ее проявлениях, защиту человеческих и гражданских прав русских людей в любой точке Земного шара; г) признание факта геноцида русского народа и преодоление его последствий.

Седьмое. Никакие природные ресурсы России, включая (по примеру Израиля) землю, не могут находиться в частной собственности: это национальное достояние.

Таковы, в общих чертах, основополагающие принципы национального государства (конкретно – РНГ). Добавить к сказанному можно весьма многое в зависимости от угла зрения и конкретной исторической ситуации, а вот убавить нельзя ничего.

“НЕ СЧИТАЯ МЕЛКИХ БРЫЗГ”

Теперь, когда читатель получил более-менее связное представление о некоторых понятиях и терминах, которые весьма прихотливо использует С. Кургинян, можно обоснованно и кратко сказать несколько слов о принципиальных ошибках этого политхудожника.

1. По-видимому, С. Е. когда-то был прикосновен к кругам, располагающим эксклюзивной, как модно говорить, информацией. И, как все прикосновенные, проникся неновым и неверным убеждением, что миром правят: а) идеи; б) заговорщики/спецслужбы. И это свое убеждение с замечательным постоянством несет в массы. Но оставим в стороне философию, ограничимся конкретикой.

В кургиняновских квази-конспирологических построениях Россия предстает как вечная игрушка в руках неких таинственных суперполиттехнологов. Они Россию будут добивать. Как? Оргоружием через управляемый хаос. Используя русский национализм как инструмент дезинтеграции страны. Кургинян пугает слабонервного читателя тем, что “отпадет народ-держатель” – непонятно, правда, от чего и куда.

Главная ложь в этой гипотезе сразу бросается в глаза. Ведь на данном этапе русский национализм есть фактор национальной интеграции глобально-го масштаба (120 млн русских в России + 20 млн русских в ближнем зарубежье + 10 млн русских в дальнем зарубежье), а не дезинтеграции. Кургинян напрасно боится, что русские “выйдут” из РФ. Не выйдут, но преобразуют ее. Нам “отпадать” больше некуда.

Что касается намерений добить Россию, я не сомневаюсь, что они есть. Но нет такой возможности, поскольку руки у намеревающихся всерьез и надолго связаны схваткой с мусульманским миром (а там и китайский подоспел). Это как с тем “пойманным” медведем, которого нельзя привести из леса, поскольку он не пускает. Даже если армии США и Европы уйдут из Ирака и Афганистана, война на их плечах ворвется к ним в дом. А поскольку Америка есть заложница Израиля, то следует ждать не угасания конфликта, а его эскалации, с возможным выбросом в Иран, что сразу добавит в противостояние сильную шиитскую составляющую. Поэтому у России есть передышка, которую надо использовать для трансформации в РНГ, пока не стало поздно.

2. Кургинян утверждает: СССР и Российская империя были-де идеократиями. Это-де русское ноу-хау. И связь русских с идеократией “уже не разорвать – если, конечно, мы предполагаем выжить”. Был, как он выражается, идейный потолок, Проект с большой буквы, к которому радостно почти сами собой подвешивались люстры-народы. Начал сыпаться идейный потолок – обвалились люстры, которым незачем стало на нем висеть. Так вот и распались вначале империя, потом и СССР.

Все это полная ерунда. Чистой воды идеализм. Драматургический Гамлет вместо исторического подлинного Амлета.

Не по своей воле входили народы в СССР. Не по своей многие и выходили.

Для того чтобы заново согнать в единое стадо разбежавшиеся после крушения романовской монархии народы, Советам потребовалась большая военная сила. Это во-первых. А во-вторых, потребовалось тотальное уничтожение всех национальных элит. Начали со славянской элиты, но быстро добрались до всех, кроме еврейской. В 1930-е годы национальные элиты сами собой снова стали подрастать, пошли новые разговоры о правах наро-

дов. И тогда эти элиты беспощадно выкосили вторично (на этот раз досталось и евреям).

После смерти Сталина, хорошо знавшего законы общественной жизни, росту национальных элит был дан новый ход. И кончилось это так, как и должно было кончиться: выросшие и созревшие национальные элиты разорвали страну – многонациональный неустойчивый конгломерат – на этнократии. Поэтому что вошел в силу первый закон элит, сформулированный еще Юлием Цезарем: лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме. Именно так кончили свои дни в XX веке еще полтора десятка этнических конгломератов, от Австро-Венгерской империи до Югославии.

При этом среднеазиатские республики продолжали цепляться до последнего за Советский Союз – но опять-таки не по идейным, а по самым что ни на есть материальным, бытовым даже соображениям, прекрасно понимая, что, оторвавшись от России, они останутся один на один со своим геометрически растущим населением и астрономически растущими проблемами по его содержанию.

Когда-то Тютчев, такой же идеалист, как и Кургинян, полемизируя с реалистом Бисмарком, писал:

*“Единство, – возгласил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью”.
Но мы попробуем спаять его любовью.
А там увидим, что прочней.*

Попробовали. Увидели: Бисмарк был прав. А Тютчев жестоко ошибался. Никакой “идейный потолок” никогда не связывал народы, входившие в русское политическое пространство. Это что же, идея православной монархии так привлекла, скажем, католическую Польшу и мусульманский Туркестан, что они бросились в русские объятия? Нет, дорогой С. Е., у “потолка”, привязавшего к нам эти “люстры”, были имена: Суворов и Скобелев. Не надо нам мозги морочить...

А уж как рвались под коммунистический “потолок” все окрестные народы! То-то Сталин потом с десятков их сослал кого куда... И танки все почему-то посылал СССР то в ГДР, то в Венгрию, то в Чехословакию. В Польшу вот не послал – а зря...

Меньше идеализма, товарищ Кургинян! Вы ведь коммунист, как-никак, должны дружить с истматом.

3. Представления Кургиняна о некоем идейном потолке, кстати говоря, лишают его построения всякой оптимистической перспективы. Поскольку никакой внятной новой идеи для новой, пока “беспотолочной”, России – на смену православной монархии и коммунистической утопии – Кургинян не дает. Хотя он, кажется, рад бы вернуться в коммунизм, но в одну реку дважды не входят. А некий совершенно невнятный “Проект Модерн” в его интерпретации выглядит бледной тенью и не обладает ни малейшей привлекательностью.

4. Кургинян пытается уверить нас, что Андропов хотел демонтировать дряхлеющую КПСС в пользу КГБ и себя лично. При этом у него якобы была русско-националистическая державная логика в развале советской державы.

Это уж и вовсе зарежиссировался наш режиссер. Заигрался в заговорщицкие сценарии.

Во-первых, как известно, мать Андропова – еврейка Евгения Карловна Файнштейн, а национальность отца до сих пор – тайна за семью печатями. Всю свою сознательную жизнь на посту председателя КГБ Андропов боролся с русскими националистами и весьма преуспел. В 90-е годы стало широко известным его директивное высказывание о том, что главная опасность таится не в “диссидентах”, с ними-де мы управимся за одну ночь, а в “русских националистах”.

А во-вторых, что было на самом деле – так это не заговор КГБ, а нацменская революция в руководстве КПСС, прошедшая незаметно, но ставшая прологом к демонтажу центральной власти и к распаду страны. Ибо в ходе этого рокового переворота неукротимо заявили свои претензии на власть те самые национальные элиты, о которых я писал выше²⁹. Об этом стоит сказать

несколько слов, поскольку характер перестройки как антирусской войны точно так же ускользнул от внимания наблюдателей-современников, как антирусская суть Гражданской войны — от историков.

В период 1919—1990 гг. этнический состав коммунистических лидеров (члены и кандидаты в члены Политбюро (Президиума), Оргбюро и Секретариата ЦК КПСС) демонстрировал значительное преобладание русских (68%) по сравнению с лицами других национальностей. Характерным было и отсутствие в руководстве за всю его историю представителей ряда крупных народов (таджиков, киргизов, туркмен, эстонцев, литовцев, башкир и т. д.). Причем прирост русских становится особенно заметен со 2-й половины 1930-х, и тогда же прекратилось продвижение во власть евреев. При этом анализ по десятилетиям показывает, что рекрутирование в партийный арсенал представителей нерусской национальности постепенно сокращалось, и 70—80-е гг. достаточно сильно отличаются в этом отношении от 20-х гг., т. е. власть к рубежу 1990-х в основном сосредоточилась в русских руках.

Национальные элиты отнюдь не были довольны таким раскладом, они копили силы и энергию протеста, учились управлять и интриговать, готовились к решительной схватке за власть. «В союзных республиках компартии выработали свою собственную формулу, по которой складывался этнический облик руководства: первый секретарь и большинство членов Политбюро должны были представлять основную национальность республики... второй секретарь (так называемая рука Москвы) — обычно русский; среди других русских членов Политбюро — это чаще всего командующий военным округом, руководитель КГБ или МВД. Остальные «номенклатурные» места в высшем партийном руководстве, как правило, предназначались коммунистам так называемой коренной нации. Это — Председатель Президиума Верховного Совета республики, Президент Академии наук республики, первые секретари столичного горкома и ряда крупных областных парторганизаций, пара «знатных людей» из рабочих и крестьян»³⁰.

Им мало было сосредоточить в своих руках власть на местах, они хотели большего. И одержали сокрушительную победу на XXVIII съезде КПСС в 1990 году, когда «при формировании Политбюро был утвержден принцип федеративной квоты для первых секретарей компартий союзных республик (без выборов) и избрание фактически только 1/3 состава Политбюро. В итоге в Политбюро из 24 человек вошли представители 16 национальностей (15 титульных + 1 осетин), а процедуру выборов прошли только 7 русских (8-й, И. К. Полозков, вошел по квоте)... Тем самым впервые за свою историю состав Политбюро партии коммунистов приобрел многонациональный характер, но по существу это означало не утверждение принципа интернационализма, а победу федеративных основ республиканского, а точнее, национального (этнического) представительства. Ибо после событий в Алма-Ате и последующего отъезда Колбина с поста первого секретаря компартии Казахстана коммунисты статусных национальностей в республиках обеспечили себе негласное право иметь родного по крови партийного лидера, а Старая площадь в свою очередь рассталась с надеждой оказывать какое-либо влияние на решение этого вопроса... Роль центрального аппарата за последние годы значительно уменьшилась, а число работников резко сократилось»³¹.

«Вся власть национальным элитам!» — этому лозунгу эпохи партийное руководство страны не посмело (да уже и не имело силы) противопоставить лозунг «Вся власть русским!». И заслужило проклятие потомства.

Nota bene: кстати, разочарование Кургиняна в Путине как архитекторе нашей будущности ясно показывает: никакого тайного проекта КГБ по захвату власти на самом деле не было, что бы С. Е. ни говорил. Слишком жалок результат.

5. Кургинян уверяет нас в существовании глубоко продуманного и выношенного у сердца наших кремлевских мечтателей проекта вхождения в НАТО. Который — ах! — обломился по не зависящим от них обстоятельствам. (Рылом не вышли, с точки зрения дядюшки Сэма.) Мне слабо в это верится. Хотя я и не слишком высокого мнения о наших властях, но не такие уж они чудовищные идиоты, чтобы совать, как баснословный Тянитолкай, сразу две свои евразийские головы в петлю: на западе — в европейскую, на востоке — в китайскую. Хочется Кургиняну щегольнуть сверхсведомленностью, «причастностью», а меня что-то сомнения берут.

Зато у меня нет сомнений в том, что некие “высокопарные мечтанья” у российских правителей действительно были, но другого, куда более амбициозного характера. О них когда-то проговорился с шокирующей откровенностью гендиректор информационно-аналитического агентства при Управлении делами президента РФ Александр Игнатов в статье “Стратегия “глобализационного лидерства” для России” (“Независимая газета”, 07.09.2000). Где он черным по белому отобразил заветное желание российской политической элиты влиться в состав мирового правительства, потеснив там представителей “сионско-масонских кругов”, и порулить немного Земшаром, как они рулят Россией. Ради достижения этой цели можно было пожертвовать народом – как когда-то хотели пожертвовать нами ради мирового коммунистического правительства. Игнатов, например, ставил такую стратегическую задачу в области демографической политики: “Содействие процессам этнической ассимиляции в форме поощрения межнациональных браков и программ переселения этнических групп”, а также постулировал: “Основными источниками трудовых ресурсов для России можно считать Индию и Корею”. То есть высокоранговый кремлевский чиновник от лица весьма ответственной структуры предлагал подходы, не только прямо противоположные оптимальным, но и враждебные, губительные для русской нации.

Не вышло... Мировое правительство решило, что как-нибудь обойдется без наших удальцов. И теперь им приходится приступать к строительству своего (не нашего с вами, читатель!) рая “в одной, отдельно взятой стране”.

6. Кургинян зачем-то тратит свое и читательское время на анализ воззрений некоего г-на Ракитова и пресловутого г-на Белковского, полагая почему-то, что названные господа определяют русский националистический дискурс. Это ошибка, ответственно заявляю как инсайдер. Первого в Русском национальном движении вообще не знают, а второго знают, но не чтут. Это не наши прописи и песни, не наши флаги.

Много еще есть в статье Кургиняна, мягко говоря, странного. Хоть бы его с неба взятые рассуждения о том, что такое “национальный француз” и “национальный русский”... Ну да Бог ему судья.

Примечания

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб., Алетея, 1998, с. 17.

² Там же, с. 12.

³ Там же, с. 17.

⁴ “Наш современник”, 2007, № 7. Подробнее о полемике вокруг термина “нация” см. в моей книге “Этнос и нация”.

⁵ Хобсбаум Э. Указ. соч., с. 12. Между тем в отечественной науке уже давно высказано убеждение, что пора отказаться от представления, будто бы Сталин дал адекватное определение нации.

⁶ Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация. (Генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб, Изд-во Юридического ин-та, 2002, с. 6–7.

⁷ Развитию адекватных представлений о нации в отечественной науке долгое время мешал диктат представлений, выработанных школой марксизма-ленинизма, отвергавшей биологическое содержание понятия нации. О том, какие грандиозные политические ошибки были заложены этим подходом, легко судить, читая хрестоматийные марксистские описания нации. Например, в одном из последних советских изданий БЭС философ-марксист С. Т. Калтахчян указывал: “Общность территории как условие существования социалистических Н. также приобретает новое качество. Границы национальных республик, например, в СССР не имеют уже своего былого значения, не ведут к обособлению Н.”. Или – еще того пуще: “Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, можно предвидеть, что полная победа коммунизма во всём мире создаст условия для слияния Н. и все люди будут принадлежать к всемирному бесклассовому и безнациональному человечеству, имеющему единую экономику и единую по содержанию богатейшую и многообразную коммунистическую культуру”. Жизнь убедительно показала все историософское ничтожество подобных установок и перспектив, разбила вдребезги прекраснотушную и беспочвенные мечтания марксистов-ленинцев. Сегодня мы вспоминаем о них только как о курьезе, уже не способном влиять на развитие науки.

⁸ Вдовин А. И. Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. – М., Либрис, 1995, с. 28.

⁹ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ. соч., с. 4.

¹⁰ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ. соч., с. 5. Это не только личная точка зрения авторов. Они указывают: “Большинство отечественных юристов придерживаются точки зрения, что государственный суверенитет – это неотъемлемый признак, качество, свойство любого государства: “нет суверенитета – нет государства” (там же, с. 59).

¹¹ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ. соч., с. 26.

¹² Даже робкий путаник Хобсбаум признает, что для того, чтобы некий народ мог быть причислен к нациям, он должен перешагнуть некий “порог”, каковой он определяет по трем критериям: 1) историческая связь народа с современным государством (!) или с государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом; 2) существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком – литературным и административным; 3) способность к завоеваниям (там же, с. 61–62). Нельзя не отметить сравнительно большую четкость и глубину отечественных формулировок, не валящих в одну кучу главное и второстепенное, исходное и производное. . .

¹³ В тексте С. Е. Кургияна едва ли не полный набор этих абберраций. Почему он ими увлекся, я здесь не обсуждаю, понять это и так нетрудно.

¹⁴ О том, какой сумбур понятий и представлений царит в головах французских цивилистов, лучше всего говорит преамбула конституций Французской Республики 1946 и 1958 гг., где закреплено: “Французский Союз (!) составлен из наций и народов (!)”. А каково было цветным учащимся школ во французских колониях Африки или Индокитая учиться по учебникам, где их предками объявлялись галлы?! (Об этом см.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М., Высшая школа, 1992, с. 37.)

¹⁵ Оль П. А., Ромашов Р. А. Указ. соч., с. 73.

¹⁶ На собственно французском языке говорило в 1789 году не более 50% населения, а говорили правильно не более 13%.

¹⁷ Характерна формулировка американского учебника по политологии (авторский коллектив М. Дж. Роскин и др.): “Сегодня понятие нации или (!) национального государства определяется как минимальная численность людей с четко выраженным чувством культурного единства, которые проживают на территории с официально признанными границами и имеют независимое национальное правительство” (Цит. по: Социально-политический журнал, 1998, № 3, с. 120–121).

¹⁸ Строго говоря, население Америки все в целом не может, разумеется, обниматься словом “нация”, будучи этническим конгломератом. Поспешным было бы применение этого термина и по отношению к Франции, так и не закончившей еще французский этногенез. Именно ошибочное и противоестественное представление о населении этих стран как о нации ведет их к краху. Судьба этих стран (не только их, но их в первую очередь) представляется мне глубоко трагичной; она вполне предсказана в книге П. Бьюкенена “Смерть Запада”. Национальному населению этих стран, видимо, уже никогда не стать, а значит, их распад по этническим границам – есть лишь вопрос времени.

¹⁹ Последняя попытка разорвать страну на части, в том числе по этническим границам, – феодальная Фронда – была сурово подавлена Людовиком Четырнадцатым.

²⁰ Россия и русские сегодня полностью солидаризуются с такой позицией, поскольку находятся в аналогичном состоянии. В связи с чем в 2001 г. Лига защиты национального достоинства совместно с “Национальной газетой” подготовила и выпустила карту “Русская Россия. Карта компактного расселения русского этноса”, обозначающую идеальные границы Русского национального государства. Собственно, изначально государственные границы всегда определялись границами этническими. Хотя в дальнейшем могли не раз перекраиваться насильственным путём.

²¹ Гегель Г. Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1977, т. 3, с. 364.

²² Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. Ч. 1. Нация. – СПб., 1909, с. 159.

²³ Там же, с. 134.

²⁴ Там же, с. 156.

²⁵ Московским государственным институтом международных отношений выпущен справочник по современной социологии, где рекомендуется такая формулировка: “**Нация** – высшая форма **этнической** общности людей, возникшая исторически в эпоху формирования буржуазных отношений и ликвидации на этой основе феодальной раздробленности этнической территории и объединения людей, говорящих на одном языке и имеющих общую культуру, традицию, психологию и самосознание. . .”. Здесь государство как форма бытия нации не упомянуто, но с очевидностью подразумевается. Там же, видимо, специально для В. А. Тишкова с его компанией конструктивистов, добавлено: “Нация – объективно существующая и эмпирически фиксируемая реальность” (Учебный социологический словарь / Общая ред. С. А. Кравченко. 2-е, доп. и перераб. изд. М., МГИМО, 1997, с. 90. – Выделено мной. – А. С.).

²⁶ Разумеется, я не единственный идеолог данного направления, иначе это не было бы направлением. В главные меня произвели наши непримиримые противники. К примеру, в декабре 2006 г. в РИА “Новости” прошла организованная Московским бюро по правам человека и Фондом “Холокост” презентация доклада старшего научного сотрудника Института социологии РАН В. И. Ильющенко под названием “Ценностные ориентиры русских национал-радикалов”. В отчете о нем сказано: “Из доклада знаменитого ученого следует, что чуть ли не главным русским неонацистом надо считать скандально известного неоязычника (!) и теоретика национального капитализма Александра Севастьянова”. Неизменен мой рейтинг и в других аналогичных докладах. Приходится верить. . . Хотя насчет моего неоязычества “знаменитый ученый” соврал.

²⁷ Подробнее см. в кн.: Авдеев В. Б., Севастьянов А. Н. Раса и этнос. – М., Книжный мир, 2007.

²⁸ О них подробно рассказано в моей статье “Русская идея как электоральный ресурс. Первоочередные этнополитические проблемы русского народа”. – Политический класс, 2007, № 4.

²⁹ Фактические данные приводятся по статье В. А. Тишкова “Национальность – коммунист? (Этнополитический анализ КПСС)”. – В кн.: Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности. – М., ИЭА РАН, 1997, с. 224–240.

³⁰ Тишков В. А. Указ. соч., с. 228.

³¹ Там же, с. 227.